

У книги нет ни названия, ни издателя, если не считать указания «при содействии издательства „ХГС“». Издание строгое, но, что называется, подарочное и долгожданное для той тысячи читателей, которым оно адресовано. Копирайт принадлежит сыну Александра Башлачева, который родился после смерти своего отца. Вопрос в том, могут ли тексты Башлачева существовать без музыки и, главное, без него самого?

«Каждую песню надо обязательно прожить», — говорил Александр Башлачев. Как почти все, написанное «для уха», а не «для глаза», его тексты, будучи напечатаны, производят странное впечатление. Даже чтобы просто слушать Башлачева, требуется некоторое специальное усилие — голос всегда звучит словно из-за какой-то пелены. При чтении усилие еще больше.

Скоро десять лет, как Александр Башлачев, по прозвищу СашБаш, поэт-рок-бард, покончил с собой двадцати семи лет от роду и ко дню похорон стал знаменитым.

До этого дня его знал (а кто знал — ценил) очень узкий круг. Самоубийство произвело шок, общество, охваченное горбачевской эйфорией, увидело в этом шаге знак: хрупкости, нежизнеспособности той веселой гульбы, которая развернулась по Москве и Петербургу. Когда мода на «нас» охватила весь мир, и советское стало значить «шампанское» уже без иронии. Самым шампанским казалось новое поколение, к которому принадлежал Саша.

Надо сказать, общественное предчувствие было правильным: Саша открыл мартиролог. Затем Цой разбился на машине, киноактер Никита Михайловский умер от лейкемии, восходящая звезда театра Льва Додина Володя Осипчук покончил с собой (все они также — в 27), погиб в авиакатастрофе отец параллельного кино Игорь Алейников, и точкой в этом — неполном — перечне выглядит смерть от редчайшей болезни Сергея Курёхина.

В отличие от скрипучих шестидесятников, поколение, вознесшее волной катаклизмов, ею же и было смыто. Помимо смертей, многие зажегшиеся десятилетия назад звезды погасли, уйдя из искусства. Как стало понятно недавно, советские идолы остались на занимаемых местах, не уступив ни пяди родной земли поколению свободы. У рояля то же, что и было тридцать пять лет назад. Был ли Цой? Был ли Башлачев? А Кобзон — вот он. И если уделом Башлачева был самизд-

Уделом Александра Башлачева и после его смерти остались самиздат и домашние концерты

дат и домашние концерты, то так оно, в сущности, и осталось. Покупаешь кассету или диск — и слушаешь дома. А книжка тиражом 1000 нумерованных экземпляров — тот же самиздат, потому, наверное, они и нумерованные, что ее будущие обладатели известны почти поименно. Самиздат — не только в смысле тиража, но и в том, что деньги на издание дал спонсор, а издательство «ХГС», как значится в выходных данных, лишь «содействовало». Правда, такого роскошного издания Башлачев при жизни, наверное, вообразить себе не мог. Купят ли? Сборник Башлачева «Посошок» лежал на прилавках лет пять.

«Все что сделано без любви, не нужно жизни. Если задать как тональность любовь, взять некую ноту — любовь, которая будет единственно верной и определяющей нотой, то все, что вокруг нее, все это и будет жизнь. Ненависть — это просто оскорбленная любовь. Истина рождается, как еретик, а умирает, как предрассудок. В конце жизни каждый разрушает себя, как предрассудок. Когда душа болит, значит она работает. То, что человек получил — это заработано. Тень — она всегда зади. Если ты обернешься, сзади всегда будет тьма, а впереди всегда будет свет. Женщина — это еще один из языков, на котором говорит мировая душа. Мы виноваты перед тем, кто вынужден быть плохим». Сквозь вы-

сокопарность, вообще-то свойственную рок-бардам, чувствуется если не мысль, то по крайней мере попытка найти ее. Так и с его песнями: скороговорка вроде, даже невнятица, и вроде что-то недодумано, недосказано, невыражено. Но вслушаешься — и кажется, там скрыто какое-то сообщение, которого мы не могли бы услышать ни от кого другого.

Почти все его песни написаны за три года: 1984-1986. Потом что-то оборвалось. Год он ждал, но, оказалось, не мог ни вытерпеть, ни измениться.

«Неизвестность имени Башлачева широкой аудитории способствует тому, что все упоминания в прессе носят характер даже не восхваления, а какого-то виноватого подобострастия; пишущие о Башлачеве словно боятся поделиться лишней мыслью с читателем — лишь бы не стряпнуть позолоту с еще не купленного портрета», — написал в 1994 году не существующий ныне журнал «Пиноллер».

Саша выступил в роли юридического — в назидание. И это только на первый взгляд кажется, что тысяча человек, которым адресована книга, меньше, чем миллион. Как пел Башлачев в самой растроганной его песне, которая открывает книгу: «Если нам не отлили колокол, значит здесь время колокольчиков».